

Мятеж не может кончиться удачей?

РОКИ ИСТОРИИ

московском издательстве «Материк», в серии «Россия. XX век», вышла книга «Ярославское восстание 1918». Ее авторы-составители профессор Евгений Ермолин и Вячеслав Козляков. Оба они хорошо известны ярославцам. Евгений Анатольевич – постоянный автор «Северного края». Сегодня он не только преподает в Ярославском государственном университете, но и работает заместителем главного редактора знаменитого журнала «Континент». Вячеслав Николаевич как ученый сформировался в Ярославле, но вот уже более десяти лет живет и работает в Рязани.

Презентация книги и встречи с читателями были организованы в музее-заповеднике. Как правило, подобные мероприятия проходят в торжественно-доброжелательной атмосфере – поздравили авторов, похвалили их труд – и разошлись. Но эта встреча вылилась в горячий спор с использованием довольно резких выражений. И это значит, что до сих пор июльские события в Ярославле, которые до недавнего времени именовали «белогвардейским мятежом», остаются острой темой, зеркально отражающей наше сегодняшнее мировоззрение.

Историческая оценка событий 1918 года, предлагаемая авторами, ясна – в названии книги вместо привычного «мятеж» стоит слово «восстание». Главная собранная в ней документация тех лет – приказы, письма, расшифровки телефонных разговоров, протоколы допросов, воспоминания очевидцев, теперь каждый имеет возможность самостоятельно оценить некоторые события по своей шкале ценностей.

Перелистывая страницу за страницей, словно проживаешь вместе с «белыми» и «красными» самое страшное в истории Ярославля. В книге опубликованы тексты первых листовок, с которыми восставшие обращались к жителям города. Люди, свергнувшие эту власть, имеют своей целью установление форм широкого государственного народоправления... Как самая первая мера, идет водворен строгий закон и порядок, и все покушения на личность и частную собственность граждан, в какой бы форме они ни проявлялись, будут беспощадно караться... Немного усилий – и предавшие, засевшие в Кремле, разбившие страну и морящие нас под голодом, будут сметены

с лица русской земли. Все, кто способен носить оружие, пусть идет в добровольческую армию. Как триста лет тому назад наши предки, так и мы в дружном порыве спасем нашу родину и наш народ от позора, рабства и голода». Первая подпись под воззванием – командующий вооруженными силами Ярославского района Северной добровольческой армии полковник Перхуров. Он же подписал приказ № 1 от 6 июля – о введении в городе военного положения.

Центр Ярославля восставшие удерживали больше двух недель – пулеметы стояли на колокольнях храмов, в Спасском монастыре. Из донесений «красных» узнаем, что стреляли восставшие редко, но попадали метко. В Кремль полетели телеграммы с просьбами о немедленной помощи людьми и оружием. Броневики, артиллерию, зажигательные и химические снаряды – все это просил у центра командир «красных» Гузарский. «Не удастся ликвидировать дело иначе, придется срыть город до основания». Его помощник Сцыбор телеграфировал в Москву 18 июля о своих успехах: «Во время наступления наши горячо рвали их... Десятьнадцатого иду с ротой в наступление, надеюсь, что наша рота дальше отличится, так как мы стоим на духу боя и докажем, что мы истинные революционеры...»

20 июля приказом чрезвычайного штаба ярославцам было предложено покинуть город в 24 часа: «По истечении 24 часов пощады никому не будет, по городу будет открыт самый беспощадный ураганный артиллерийский огонь из тяжелых орудий, а также химических снарядами. Все оставшиеся погибнут под развалинами города вместе с мятежниками, предателями и врагами рево-

люции, рабочих и беднейших крестьян».

Даже 21 июля, когда исход противостояния был ясен, Гузарский продолжал просить помощи у Москвы: «Подтверждаю необходимость присылки стойкого однородного отряда в тысячу человек... бомбометчиков и минометчиков – по пять-

Подробная информация о самых разных событиях этих двух летних недель 1918 года – в делах по обвинению в «участии в белогвардейском мятеже», выдержки из которых тоже приводятся в книге. Из них можно уяснить, как жители города попадали в «мятежники». Билетерша кинотеатра

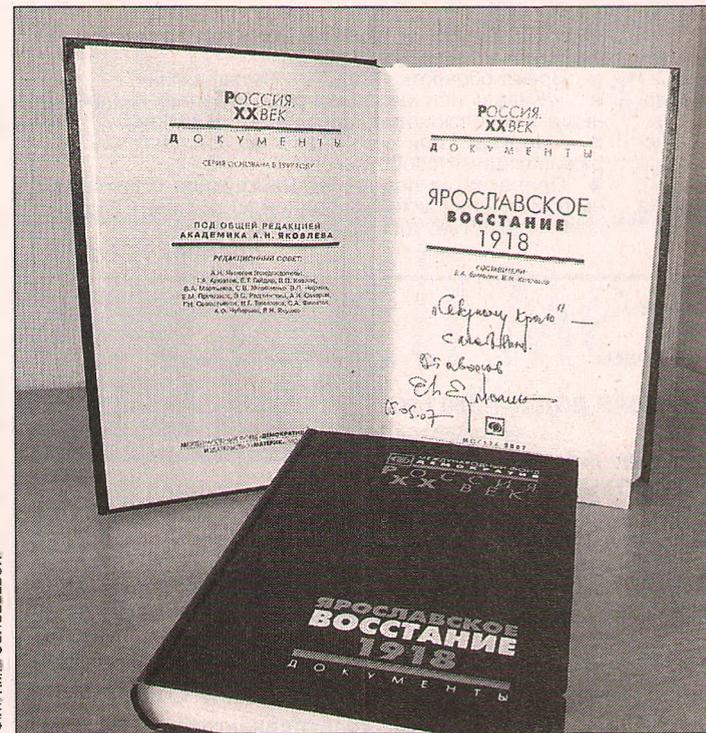

ФОТО АННЫ СОЛОВЬЕВОЙ

десять человек, тяжелых гаубичных гранат – три вагона, зажигательных – один вагон, трехдюймовых зажигательных – два вагона, химических – два вагона и три вагона гранат, пулеметов «Максим» – двадцать...»

В тот же день была отправлена еще одна телеграмма – о взятии Ярославля. «Не присылайте пленных в Москву, так как это загромозждает путь, расстреляйте всех на месте, не разбираясь, кто он: в плен берите только для того, чтобы узнать об их силах и организации», – ответила на радостное донесение столица.

«Красным» в те дни приходилось бороться не только с «белыми», но и со своими мародерами. В одном из донесений заместителя Гузарского читаем: «Положение несколько ухудшается тем, что наши красноармейцы страшно и доблестно грабят город...»

Александра Слежинская, признанная виновной как пособница белогвардейцев, пишет из концентрационного лагеря прошение: «...Я вышла из подвала только в последние дни мятежа, и выйти меня заставил только голод. Я содержу семью, состоящую из старухи-матери и дочери 7 лет. Муж умер в плену, пробыл там 4 года. Пока в первые дни у меня было немного сухарей и картофеля, я сидела в подвале, но когда семья плакала от голода, я пошла просить кусок хлеба, и меня направили в продовольственный пункт. Я виновата, я сознаю, что не должна была выходить во время мятежа, но кланюсь, что только голод и слезы голодной семьи заставили меня это сделать...»

Я как рабочий человек была только за советскую власть, давшую нам, маленьким людям, свободу и хорошее существование... Дайте мне возмож-

ность работать и доказать, что я готова положить жизнь за советскую власть». Но Слежинскую освободили только в декабре 1919 года, о чем свидетельствует выписка из протокола Ярославской губернской комиссии.

Другая категория «мятежников» – крестьяне. Читая протоколы допросов нескольких жителей Диева-Городища, невольно вспоминаешь Чонкина. Александр Ершов рассказал о своем участии в мятеже так: «Приблизительно числа 8-го я шел со своей мельницы. Прихожу на сельскую площадь и вижу толпу народа. Шла запись в армию, на помощь восставшим... Когда штатский сказал крестьянам, что у них хлеб отберут, если они не пойдут в город, крестьяне заволновались. Тогда я выступил в защиту учета хлеба... После этого я сказал, что родина находится в опасном положении, со всех сторон наступают французы, англичане, немцы и заняли все хлебные места, а учет и распределение хлеба необходимы, и, кроме того, в дела России иностранцы вмешиваться не должны. После моей речи опять заговорил штатский и говорил, что хлеб в городе есть, и они дадут его крестьянам, если они пойдут в город. После этих слов народ заволновался, и некоторые закричали: «Надо идти». Меня в это время жена позвала чай пить, и я ушел, чем кончился сход, я не знал...»

Чонкин-Ершов все-таки «примкнул» к мятежникам, пару дней даже с винтовкой ходил и был сосчитан, но потом, испугавшись, скрывался месяц в соседней деревне, где занимался привычными делами – косил сено и колол дрова.

Опубликованы в сборнике и протоколы заседаний трибунала, судившего полковника Перхурова, который во всех подробностях рассказывает, как было организовано выступление. Интересна речь его защитника, которая заканчивается такими словами: «Я не верю во внутреннюю контрреволюцию, но в случае иностранного вмешательства в наши дела Перхуров может быть нам полезен. Не забывайте еще одного аргумента: таких, как Перхуров, немало, и если советская власть не накажет одного из них, она докажет, что она не

мстительна, а дает возможность исправиться».

Заключительная часть книги – воспоминания тех, кто был свидетелем страшных двух недель. Красочный рассказ артиста Морфесси, чуть было не попавшего в «повстанцы», дополняет документальную картину восстания. «И вот легендарное совпротвиление сломлено. Полковник Перхуров со своим штабом и сотнею бойцов ночью бежал, с непостижимой легкостью прорвав кольцо большевистских войск, обложивших город... А «красные», пока еще ничего не зная, продолжали «крыть» нас снарядами не только полевых орудий, но и огнем нескольких бронепоездов. И только убедившись, что город не отвечает огнем на огонь, в него с опаской стали вливаться «победители». Этот авангард состоял из каких-то уж совсем иррегулярных частей: какое-то юное, преступное хулиганье в шинелях! Советское командование, взбешенное большими потерями, умышленно бросило это хулиганье в первую очередь, чтобы оно показало мятежному населению, где раки зимуют! И показали! Бесчинства, насилия, грабежи, убийства на улицах и в домах – все это повергло Ярославль в большой ужас, чем... ливень снарядов».

Сопоставление документов одной и другой сторон может дать довольно точную картину событий июльского выступления. Картину страшную, запутанную и сложную. Только все равно для одних исследователей оно так и останется мятежом, а для других будет выглядеть как восстание. Спору на эту тему пока не видно конца. Даже новая книга, составленная талантливо – научно, подробно, тщательно (что по нынешним временам большая редкость) – не поставит, наверное, в нем точку.

И все-таки хорошо бы дожить до того времени, когда и «белая», и «красная» история, не меняя своих цветов, останется просто нашей общей историей, которую можно не переписывать под время, а просто принимать. Нужна мудрость, чтобы прекратить вытаскивать в сегодняшний день ярлыки из прошлого. Пора извлекать из истории уроки и вовремя делать работу над ошибками.

Марина ШИМАНСКАЯ